

Глеб СОКОЛОВ

ВУДУ

ТЪМА
ЗА ЗЕРКАЛОМ

Глеб Соколов

Вуду. Тьма за зеркалом

«Автор»

2006

Соколов Г. С.

Вуду. Тьма за зеркалом / Г. С. Соколов — «Автор», 2006

Совершено дерзкое похищение... рыбы-фугу! В подсобке маленького магазина найдено... шестеро повешенных! В морг доставлен труп чернокожего... с головой белого человека! И во всем этом замешан русский студент с гаитянскими корнями, лишь недавно прибывший в Лондон. Поневоле прикоснувшись к зловещим тайнам вуду, он перешел дорогу загадочному Белому Хунгану, одно упоминание о котором повергает обывателей в мистический ужас. Тьма за зеркалом сгущается! Удастся ли прояснить эту тьму?

© Соколов Г. С., 2006

© Автор, 2006

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	14
7	16
8	17
9	19
10	20
11	21
12	22
13	24
14	25
15	27
16	28
17	30
18	32
19	34
20	35
21	37
22	38
23	40
24	41
25	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глеб Соколов

Вуду. Тьма за зеркалом

Безвинным 450 000, умершим во время «срединного пассажа», и тем, кто не вынес двух лет «маринования», посвящаю

Барон Самеди – бог смерти чернокожих рабов. По поверью, носит фрак, цилиндр, черные очки. Обождает крепкий кофе.

1

Рыба, выловленная зимой, имеет по сравнению с другими сезонами иной вкус. Более мягкий и чуть сладковатый. Так полагают японские повара. Чтобы раскрыть этот особый зимний вкус, в блюда добавляют меньше специй.

Что же касается знаменитой рыбы фугу, то ее приготовлением занимаются исключительно зимой. Поэтому гурманы и любители фугу с нетерпением ждут холодного сезона, чтобы поесть фугусаши – красиво декорированного кушанья, представляющего собой разложенные на большом круглом блюде кусочки сырой рыбы, нарезанные настолько тонко, что пропускают свет, и в центре блюда – ее пятнистую кожу, артистически уложенную в кружок.

Готовят из фугу и горячее блюдо из разряда кушаний набемоно – они готовятся прямо на столе в глубокой круглой сковороде, стоящей на портативной жаровне. Помимо кусков рыбы туда кладут китайскую капусту, листья хризантемы, морковь. Бульон, остающийся после варки фугу, используется для приготовления особого рисового супа, включающего также яйцо, соевый соус и овощи. Плавники экзотической рыбы заваривают, полученный настой смешивают с подогретым саке – семнадцатиградусной рисовой водкой – и пьют в холода.

Рыба фугу считается деликатесом, стоит очень дорого, и несмотря на то что к ее приготовлению в Японии допускаются лишь повара, обладающие специальной лицензией, ежегодно в зимний сезон фиксируется несколько случаев смерти от кушаний из этой обитательницы моря, и время от времени появляются сообщения, что тот или иной гурман и поклонник блюд из фугу был похоронен заживо.

Дело в том, что печень, яичники и некоторые другие части экзотической рыбы содержат смертельный яд тетрадотоксин, в пятьдесят раз более ядовитый, чем цианистый калий. Следы этого яда, содержащиеся в подаваемом к столу мясе фугу и производят на вкусовые рецепторы то необычное воздействие, которое так ценят гурманы.

Конечно, имеет значение и особое психологическое возбуждение, страх, которые испытывает гурман, приступая к трапезе. Ведь даже очень малая доза тетрадотоксина способна вызвать если не смерть, то состояние, похожее на нее – полный паралич, когда жизнь теплится в человеке едва-едва. И тогда, если врачи окажутся невнимательны – в могилу кладется живой человек. Ведь по японским обычаям никто никогда не видит покойника – смотреть на мертвеца не принято, – его хоронят в закрытом гробу.

Японский ресторан «Аояги», расположенный в одном из престижных кварталов Лондона по соседству с офисами крупных международных корпораций, с недавнего времени тоже начал представлять в своем меню блюда из рыбы фугу, справедливо полагая, что своеобразное лакомство сможет привлечь и местную британскую публику, охочую до экзотики и острых ощущений.

Сейчас два повара – Тойода и Исудзу бережно открывали тускло поблескивавший контейнер с рыбой, доставленный четверть часа назад специальным курьером из аэропорта, куда он прибыл на борту обычного рейса из Японии.

«Гиганты автопромышленности» – так иногда неяпонский персонал ресторана называл двух поваров за то, что их весьма распространенные японские фамилии совпадали с основателями известных марок японских автомобилей. Оба нервничали: сегодня в ресторан на ужин придет очень важный постоянный клиент – директор английского банка. Именно для него и его спутников предназначалась доставленная рыбина... Быстрая, ответственная транспортировка была важным моментом – если с рыбиной что-то не так, сегодня вечером гость не получит обещанного деликатеса.

Металлический контейнер стоял на кухонном столе, а Тойода, который был из двух поваров старшим, все не открывал его...

Неожиданно за дверями кухни послышался какой-то шум. Тойода, и без того не очень спешивший, отвлекся от контейнера и повернул голову. Какой-то вскрик, грохот падавших ящиков – сквозь матовое стекло двери, отделявшей кухню от узкого коридора, по сторонам которого располагались другие служебные помещения, ничего не было видно.

– Что там происходит? – пробормотал Исудзу, коротконогий лысеющий толстяк и тоже уставился на дверь.

В следующее мгновение та с грохотом распахнулась, и на пороге возник высоченный бритый негр с крупными, торчавшими в разные стороны зубищами, показавшийся двум поварам настоящим исчадием ада, тем более что в руках у него был блестящий никелированный пистолет.

Негр угрожающе проорал что-то нечленораздельное и, выставив руку с пистолетом, начал поводить дулом, направляя его попеременно то на Тойоду, то на Исудзу. Из-за его спины выскочило еще два негра, лиц их парализованные страхом японцы не разглядели. В эти мгновения все их внимание было приковано к пистолету.

Юркие негры – в отличие от того, что держал пистолет, они были среднего роста и нормального телосложения – подскочили к контейнеру. Один из них ловкими, точно щупальца осьминога, пальцами открыл его, несколько секунд таращился на широкую рыбину с выпученными глазами и разинутым ртом. Затем, захлопнув контейнер, подхватил его под мышку и в мгновение ока оказался у двери.

Негр с пистолетом опять угрожающе заорал. Фраза была длинной, но повара разобрали только «на пол!», раздался выстрел. Тойода и Исудзу повалились вниз – пуля прошила стену чуть выше их голов.

Негры уже бежали по коридору к выходу. Последним, держа пистолет в вытянутых руках и то и дело оборачиваясь, – стрелявший...

2

Иван Лувертюр сидел у окна и с восторгом смотрел на бесконечную белую равнину, простиравшуюся до самого горизонта. Пейзаж ее был космическим – невысокие конусообразные горки, мелкие кратеры...

То были облака. Самолет забрался выше их, солнце здесь – необыкновенно яркое – заливало светом всю картину... Иван Лувертюр, по прозвищу Пушкин, не видел прежде ничего подобного. Еще бы!.. Ведь ему никогда не приходилось летать на самолете!..

Он был мулатом, сыном русской и африканца, родившимся и большую часть жизни проводившим в маленьком, богом и властями позабытом поселке Леспромхоз, что затерялся на бесконечных пространствах Русского Севера, почти таких же бесконечных, как эти поля облаков... Родители его познакомились в институтском общежитии, зарегистрировали брак, но вскоре расстались, так и не оформив развода. Лувертюр-старший уехал к себе и исчез... Правда, мать Ивана не очень старалась его разыскивать.

От окна мулата отвлек голос стюардессы. Она предлагала пассажирам кофе. Почему-то из всех пассажиров, сидевших поблизости, кофе выбрал только Иван. В этой части салона у стюардессы было немного работы. Сосед и соседка Лувертюра предпочитали чай, а шестеро странноватого вида мужчин, занимавших кресла в двух рядах перед ним, не только не пили кофе, но и вообще отказались от еды.

Но что ему было за дело до всех этих мелких подробностей! Ведь он летел в Лондон!.. Сбывались его самые заветные мечты!

Иван Лувертюр еще раз непреднамеренно скользнул взглядом по лицу одного из шестерки, чье место – наискосок: оно выражало лишь одно – полное безразличие.

Прихлебывая кофе, русский мулат задумался о своих делах... Пушкиным его прозвали в поселковой школе. Еще в младших классах он начал сочинять стихи. Учительница, добрая молодая девушка, тогда сказала: «Смотрите, а ну как станет национальным гением!.. Пушкин-то ведь тоже был из них... Из эфиопов! Говорят, в Африке ему даже поставили памятник: великому эфиопскому поэту!» Хотя сбежавший отец Лувертюра был точно не из Эфиопии, а с Гаити, фраза прочно засела в головах леспромхозовцев. Стихи Иван вскоре сочинять перестал, но учился очень хорошо, демонстрируя многообразные способности. Особенно – к иностранным языкам. Ни с каким дурным отношением к себе, связанным с цветом его кожи, Лувертюр в поселке никогда не сталкивался: люди здесь были добрые, все дети росли вместе. К способному «негритенку» относились как к стопроцентному своему, верили: придет время, Иван прославит Леспромхоз не хуже, чем Пушкин Болдино...

К тому же, Иван был изумительно хорош собой. Славянская красота его непутевой матери смешалась с экзотическими чертами и пластикой негра. Леспромхозовцам казалось, что в смуглом обаятельном парне заключена пружина, которая заставляет его пританцовывать, даже когда он идет с ведрами к покосившемуся колодцу.

На одной из школьных Олимпиад в Санкт-Петербурге, на которую Пушкин-Лувертюр выезжал по разнарядке от комитета образования, его заметил шествовавший над мероприятием директор и совладелец богатого предприятия. Мулат из дремучей русской глубинки, свободно разговаривавший на нескольких европейских языках, настолько поразил богатого спонсора, что тот взял его под свое покровительство. Взял да и отправил вскоре Лувертюра в Лондон – попрактиковаться в живом разговорном... А заодно и поучиться по программе обмена студентами в одном частном учебном заведении. Хоть и не дорогое и достаточно демократичное, но отнюдь не бесполезное для молодого человека, который, кроме нескольких коротких поездок в Санкт-Петербург, никогда и никуда из родного Леспромхоза не отлучался.

Сколько новых друзей заведет он себе в Лондоне! – думал Иван Лувертюр. Уже ступив на борт самолета, он был в особом, приподнятом настроении – в таком состоянии духа он был особенно общителен. Но попутчики оказались какие-то скучные, сидевшие рядом с ним муж и жена были заняты друг другом, на шестерых, занимавших кресла перед ним, смотреть вообще не хотелось – их унылые лица навевали тоску...

«А чего ты хотел?! – спрашивал себя Лувертюр-Пушкин. – Это самолет, а не клуб общения, здесь не принято болтать с незнакомыми. Каждый летит по своим делам... У каждого в голове – только свое... Хотелось бы мне знать, что в голове у этих шестерых!.. И что с того, что тебя распирает от счастья!.. погоди, дружище, впереди Лондон!.. Сколько друзей, сколько подруг будет там!.. Несколько часов полета, и... новые встречи!»

В конце-концов, допив кофе, вернув пластиковую чашечку симпатичной стюардессе, единственной в этом самолете, кто, казалось, обладал способностью растянуть губы в приветливой улыбке – и плевать, что улыбку эту оплачивает ей авиакомпания, – Лувертюр уставился в окно. Как ни старался быть серьезным и мрачным, лицо светило от счастья. Надежда играла на нем так же, как играли и искрились солнечные лучи на водяных кристаллах облаков, проплывавших под серебристым крылом аэрофлотовского лайнера. Лондон! Лондон!.. Черт побери, он летит в Лондон! Кого-то он встретит там?..

Радостная надежда не давала мулату успокоиться и уснуть, как это сделали его соседи. Должно быть их, бедных, в Лондоне никто не ждал... Ни новые друзья, ни подруги.

Только и оставалось, что сидеть, закрыв глаза, и пытаться расслабиться. С такой возбудимостью он в этом Лондоне вообще спать перестанет! «Эге, да зачем там спать?! Я же не спать в Англию лечу!»

3

Спустя недолгое время после прибытия в Лондон, Иван Лувертюр сидел, прислонившись спиной к дереву, – одному из тех, что росли с внешней стороны металлического забора. Там, за забором, время от времени с грохотом пробегали невидимые ему поезда.

Иван то немного успокаивался, то вновь начинал трястись в рыданиях, размазывая по лицу слезы. Мимо, метрах в десяти от него, проезжали машины... Улица была не очень оживленной, автомобильных пробок на ней не бывало, и машины мчались на хорошей скорости, заворачивая метрах в ста от дерева, у которого сидел Лувертюр, направо – там под железной дорогой проходил короткий тоннель.

Лувертюр плохо представлял, где он находится. Просто брел, не помня себя, по улицам, пока наконец не почувствовал, что ноги отказываются идти, сошел с тротуара и оказался под деревом.

Чуть поодаль закрывало собой всю панораму строение, похожее на склад, из-за него торчали старые многоквартирные дома. Райончик этот, где Лувертюр оказался впервые, был отнюдь не престижным и совсем не походил на тот, в котором он был несколько часов назад, и где его так жестоко обидели.

Лувертюр полулежал на ковре с длинным десятисантиметровым ворсом и без особого интереса смотрел на экран огромного телевизора: герои боевика уходили от очередной погони. Рядом с ним сидела Маргарет – его подруга, с которой он познакомился здесь, в Лондоне на одной из дискотек.

Устав от прокручивавшегося на домашнем кинотеатре фильма, – он смотрел его в кинотеатре сразу после приезда, – Лувертюр повернулся к окну. Взглянул на соседские особняки с живописными садиками и респектабельными оградами.

Неожиданно к ограде дома Маргарет подъехала шикарная спортивная машина.

– Родители!.. – испуганно прошептала Маргарет.

– Они что у тебя, любят дорогие модные игрушки? – спросил Лувертюр.

Осознать, чего так боится подруга, он еще не успел.

Электроника распахнула металлические ворота, и спортивный автомобиль стремительно подрулил к дверям особняка.

– Понимаешь, я говорила им, что ты русский... Учишься здесь. Папа думает, что ты сын какого-нибудь богатого человека, вроде тех, что владеют у вас в России нефтяными месторождениями... Но вот мама... Она с самого начала сомневалась.

Лувертюр вскочил с ворсистого ковра.

– Что?! Сомневалась?.. В каком смысле?..

– Какой ужас! – воскликнула вошедшая в холл немолодая, но судя по всему находившаяся в хорошей спортивной форме, женщина. – Патрик, я предупреждала тебя!..

Иван не верил своим ушам. «Неужели же в наше время в столице цивилизованного государства возможно такое?!.. – вихрем пронеслось в его голове. – Они даже не стесняются говорить все это при мне!»

Патрик – отец Маргарет – такой же поджарый и спортивный, как его жена, появился в дверях и мигом сообразил, в чем причина истеричных взвизгов супруги.

– Да... Приятный сюрприз ты нам устроила, дочка!.. – устало произнес он. – Лучше бы мы не возвращались с курорта. По крайней мере, ничего бы не знали. Мало того что он русский. Так еще и... В Лондоне сейчас немало дерьма! Но такое сочетание выкопала только ты!.. Поздравляю! Наверное, долго искала...

Самое ужасное: Маргарет молчала, точно полностью признавая вину.

– Вы... Вы!.. – так и не найдя слов, Иван опрометью кинулся на улицу. Маргарет не побежала за ним и позже не позвонила на мобильный.

...Он был так сконцентрирован на воспоминаниях, что не заметил – возле стоит какой-то человек.

Это был высокий длинноволосый белый мужчина в черном коротком плаще, черных брюках и черных ботинках. Наконец, он опустился возле мулата на корточки. Только тогда тот обратил на него внимание.

– Что с тобой произошло? – спросил белый незнакомец...

Не сразу, но Иван рассказал ему всё...

– Разве Иисус не завещал своим последователям, что нет ни эллина, ни иудея, иначе говоря, не имеет значения ни национальность, ни цвет кожи... – подтверждая его мысли, проговорил незнакомец.

– Да, да, он так говорил! – трясся Иван Лувертюр. – Но они поступают совсем иначе...

Мулат показал рукой куда-то в сторону, туда, где, как ему казалось, располагался богатый квартал.

– Им надо лучше читать Библию!.. – воскликнул Иван.

– Ах, оставь!.. – устало махнул рукой незнакомец. – Что толку!.. Даже если они и будут читать ее – не поможет. Все равно ничего не изменится. Мир давно уже не принадлежит Иисусу Христу. Его только оставили для видимости, ему поклоняются, как свадебному генералу, в то время как на самом деле кругом правят другие боги... Кстати, мы так и не познакомились. Меня зовут Джон.

4

За окнами стучал дождь. Он пошел неожиданно, и Гилберт Стеффенс поначалу испугался – не понял, что за стук раздается на крыше. Та простиралась под окном, в двух метрах от подоконника. Современный, недавно построенный дом был возведен в новой, странных форм архитектуре, которая не предполагает четких, понятных глазу объемов. Словно бы разной формы кубики в случайном порядке поставили друг на друга. Ну и черт с ними!..

За аренду приходилось платить немного, комната была уютная, но маленькая. И эта крыша под окном – все казалось, что кто-то подберется по ней, ухватится за выступ в стене...

Странно: ему полагается быть особенно взволнованным, но он спокойнее, чем всегда. Припомнилось, чему стал свидетелем минут сорок – час тому назад...

Гилберт Стеффенс двигался по улице неспеша. Душный, жаркий день. Ярко-голубое небо не предвещало ливня, что хлынул позже. Как его занесло в фешенебельный квартал, до отказа набитый банками, брокерскими конторами, страховыми компаниями?!.. Доехал с Аделой до центра, и ровно посередине пересадочной станции между ними вспыхнула ссора. Девушка метнулась к переходу. Он не стал догонять, поднялся наверх, в город, побрел, ни о чем не думая, по улице...

Впереди невольно отметил вывеску японского ресторанчика – «Аояги». Оформлено неброско, но со вкусом. Без кричащей псевдояпонщины, с какой обычно декорированы рестораны, имеющие малое отношение к настоящей японской кухне.

Он не успел сделать мысленный комплимент дизайнерам, как из двери «Аояги» выскочила группа чернокожих парней... Один из них в спешке засовывал за пояс блеснувший на солнце пистолет. Негр, что выскочил первым, уже влетел кубарем в открытую дверь поджидавшего микроавтобуса. Последний, с пистолетом, едва запахнул полы пиджака и вслед за остальными влез в микрик на ходу – тот, готовый резко ускориться, медленно отъезжал.

Сцена шокировала: пистолет, группа негров. Его потрясла наглость: в этот час в этом квартале полно народу!.. Хотя им повезло: именно теперь улица была относительно пуста – с визгом понесшийся микроавтобус скрылся в переулке. Стеффенс брел машинально. Вот он поравнялся с рестораном. Дверь закрыта, за матовым стеклом ничего не разглядеть. Взгляд упал на бумажку – валялась у ступеньки, ведущей к двери. «АФРИК»... – надпись явно как-то связана с Африкой. Мигом все сопоставив, Гилберт нагнулся – а вдруг бумажка выпала у кого-то из группы. Он уже держал ее в руках. Испугался – черт его знает, что здесь произошло?!.. Зашагал быстрее. Следом за микроавтобусом завернул в переулок. Того уже и след простыл. Не запомнил номера. Зачем ему номер?.. Что, собственно, произошло?.. Группа негров выскочила из дверей, у одного из них пистолет, ввалились в микроавтобус.

Мысли перескочили на Аделу... Событие у японского ресторанчика показалось сном... Бесцельно побрел дальше.

Гилберт повалился в широченное старое кресло, придвинул к себе клавиатуру, чуть развернул дисплей, начал бесцельно шарить по Сети, хотелось забыться... Новостной ролик помог сделать это – просмотрел его несколько раз. С самого начала бросилась в глаза картинка с входом в «Аояги». Удивительно: не сразу въехал, где видел это. Бывает же такое!..

Суть в следующем: ограбление в японском ресторане, поразительное сочетанием – охотились за рыбой фугу, деньги не искали, нападавшие – африканцы. Два японских повара странно делились негативными впечатлениями. Публично извинялись перед клиентами: фугу не будет!..

«Фугу... Фугу... – вертелось в голове. – Далась им фугу!.. Зачем неграм рыба фугу?..» В репортаже подробно рассказывалось о смертоносных свойствах рыбыны, – когда-то об этом слышал. Вдруг Гилберт вскочил с кресла, засунул руку в карман джинсов. Скомканная

бумажка была на ладони. Боже, да ведь это ключ к решению всех проблем, вернее главной – Аделы. Все остальные проблемы лишь нанизывались на нее...

Он разгладил бумажку – маленькая рекламная листовка магазина «ботаникс» – африканские травы. Под ложечкой засосало – быть не может!.. Именно так судьба подбрасывает выходы из неразрешимых ситуаций. В очередной раз поругался с Аделой, вышел неизвестно зачем в город, побрел неизвестно куда и вот: получи шанс... Вдруг – то, что так долго искал?..

«Ну врать-то не надо, хотя бы самому себе ... Ничего не искал. Просто ходил и интересовался. Когда появлялось подозрение, что вот оно, может быть здесь, тут же пугался и уходил. Слишком невероятна идея!»

5

Иван Лувертюр поджидал Джона. Темнокожий русский немного опоздал на встречу. Но Джона на месте не было. Вряд ли бы он ушел не дождавшись – опоздание пустяшное. Нет, нет, он не мог уйти! Ведь это он, Джон, проявил к Лувертюру интерес. Иван чувствовал – он для чего-то нужен ему.

Он прошел вперед и обнаружил, что находится в национальном квартале, где проживают выходцы из Азии и Африки. Дома здесь были значительно бедней, чем в районах, где жили белые. Вдруг над его головой раздался звук открываемого окна, и тут же что-то заставило его инстинктивно поднять голову. В следующее мгновение он отскочил – не спеша, словно в замедленной съемке, перевалившись через подоконник вниз с третьего этажа, полетел пластмассовый бак для белья. Иван еле успел отпрыгнуть в сторону. Бак с характерным звуком ударился об асфальт, крышка его отвалилась. Оттуда торчала чернокожая девочка-подросток. Кажется, она была еще жива.

Девочка пошевелила рукой. Словно в кошмарном сне Иван заметил: ее широко раскрытые глаза невероятны красны. В первую секунду он приписал это действию страшного удара, который испытала девочка. Но затем обратил внимание на мельчайшие крупинки красного порошка, словно пудра, окаймлявшего ее глазницы.

– Выбросили девочку из окна! Смотрите, что натворил этот мерзавец! – этот истошный крик раздался откуда-то сзади.

Лувертюр обернулся и увидел толстенную тетку, похожую на индуску. Она стояла у входа в магазин и показывала на него пальцем.

В следующее мгновение до его ушей донесся вой полицейской сирены.

– Ловите его, пока не убежал! – завопила тетка.

Иван и не думал никуда скрываться, потому что не видел для этого никаких причин, но от последнего крика в его голове словно бы сработало какое-то электрическое реле, защелкнувшее контакт.

Он побежал, да так быстро, что в ушах засвистел ветер. Однако через несколько секунд понял, что, поддавшись страху, поставил себя в крайне невыгодное положение. Переулок, в который он ринулся, был тупиком – в этом чертовом квартале такое было не редкость.

6

В пятидесятые годы прошлого века

Радио «Кей-Ви-дабл-Кей» транслировало музыку на волнах, распространяющихся в зоне прямой видимости. Его слушал и Уолт Кейн. Сейчас он находился в люке, подобном канализационному. Только этот был предназначен для того, чтобы монтер мог спуститься вниз и исправить неполадки на кабельной магистрали. Она пролегала в самом низу, под лесенкой. Кейн видел эти толстые жилы, покрытые изоляцией. Что это были за кабели – силовые, подающие электроэнергию, или телефонные, он не знал. Он не был электромонтером, а в колодце просто прятался.

Кейн работал на «Кей-Ви-дабл-Кей» диск-жокеем. Ему было немногим более тридцати, и он пытался продвинуть в публику новый стиль популярной музыки – рок-н-ролл.

Уолт Кейн услышал, как наверху, где-то неподалеку от люка, подъехала и остановилась машина. Неожиданно над его головой возникла фигура электромонтера. Он был одет в синий рабочий комбинезон. Кейн не слышал его шагов. Появление электромонтера могло погубить его.

– Эй! Какого черта ты сюда забрался! – завопил громко обладатель новенького синего комбинезона с эмблемой «Дженерал Электрик» на пузе. – Стоит на минуточку отойти, как в колодец забирается какой-нибудь придурок!..

«Слишком громко! Неужели ты не мог сказать все это потише?!» – подумал Кейн. Но монтер уже сделал ужасное дело. Уолт услышал, как на пустынной и тихой улочке хлопнула дверца автомобиля. Послышались шаги, они приближались. Диск-жокей нелепо вздрогнул всем телом, но при этом не сдвинулся с места. Монтер видел: с парнем в колодце происходит что-то не то. Лицо сотрудника «Дженерал Электрик» стало испуганным.

Прислушиваясь к приближавшимся шагам, Кейн начал выбираться из колодца. Движения его были судорожными. Он выскочил на поверхность и побежал в сторону бара. Тот располагался на противоположной стороне улицы. На стоявшую чуть поодаль машину и вышедшего из нее человека он не смотрел.

Бар был закрыт... На этой улице в первых этажах домов не было ни одного открытого магазина, ресторана или пивной.

Никто не открыл на стук Кейна. Человек из машины подошел к нему.

– Послушайте, Кейн, нам надо поговорить...

– Со мной?!.. О чем?.. Я не имею никакого отношения к менеджменту «Кей-Ви-дабл», я всего лишь радиоведущий!..

– Но ведь рок-н-ролл продвигаете на «Кей-Ви-дабл» именно вы!.. – проговорил незнакомец.

– Какое дело мафии до рок-н-ролла?..

– Я не из мафии.

– Не из мафии?!.. – диджей очень удивился. – А я думал это в связи с наездом...

Некоторое время назад на радиостанцию «наехали» местные гангстеры. Спор шел из-за помещения, которое занимало «Кей-Ви-дабл-Кей».

– Нет, господин Кейн, я не гангстер и не имею никакого отношения к наезду, хотя знаю про него. Я – сотрудник контрразведки...

– Разведки?.. Час от часу не легче! Но я не шпион. О чем вы хотите со мной поговорить?

– Речь пойдет о рок-н-ролле. У нас есть очень серьезные подозрения, что вы не догадываетесь, чем на самом деле занимаетесь. Рок-н-ролл – это не просто музыка. И не только музыка. За всем этим стоят очень странные, и я бы даже сказал, таинственные вещи.

– Что?.. Таинственные вещи?.. Что за чушь?!.. Рок-н-ролл – он и есть рок-н-ролл. И больше ничего!..

– А вы читали про исследование волновой системы головного мозга?!.. Хотя вряд ли вас может увлечь чтение подобной литературы. Да и где бы вы могли ее взять?.. – проговорил незнакомец, словно сам себе. – Насколько я знаю, в нашем городке нет ни одной серьезной научной библиотеки.

– Что верно, то верно! – проговорил Уолт, немного расслабляясь.

Речь незнакомца показалась ему довольно интеллигентной: волновые системы, научная литература... Это не походило на обычный разговор уголовника из местной банды. Значит, его не будут калечить или даже убивать...

– Вы, наверное, заметили, что время от времени вы моргаете... – задумчиво произнес незнакомец...

– Да уж конечно! – нахальным голосом проговорил Кейн и тут же подумал, что такой тон разговора ему совершенно несвойственен. Обычно он разговаривал совсем по-другому.

– А ведь вы обычно никогда так не разговариваете, – тихо сказал незнакомец. – Сколько раз за сегодняшний день вы моргнули?

Кейн не улыбнулся. Лицо его оставалось серьезным.

– А не заметили, слюна у вас во рту скапливалась?..

Кейн еще больше посерьезнел.

– А при чем здесь рок-н-ролл?..

– Как часто вы ходите в туалет?

– То есть как? – Кейн смутился.

– Это тоже связано с волнами в головном мозгу. Вы многого не замечаете, господин Кейн. Люди вообще многого не замечают. К примеру, они редко, кроме исключительных случаев, подсчитывают, сколько раз они моргнули, проглотили слюну... А это имеет значение. Для их жизни... Вот что, не стоять же нам как двум идиотам на глазах этого кретина из «Джей И». Поедьте куда-нибудь и поговорим.

– Куда? – нервно спросил Кейн.

– Вижу, что вы нервничаете, поэтому поедемте куда-нибудь, где вам будет спокойно.

– На «Кей-Ви-дабл»?

– Нет, туда мы не поедем... – спокойно, но решительно отрезал сотрудник контрразведки. – Там вас сейчас поджидает одна дама.

– Зачем? – нелепо улыбнувшись, проговорил Кейн.

– Опять вы как-то несвойственно вам улыбнулись...

– И верно... – сам того не ожидая, подтвердил Кейн.

– Поедьте на кладбище... Или в родильный дом. Да, лучше в родильный дом. Хотя... Рождение и смерть – два события, окаймляющие жизнь человека.

– А что за дама?

– Лучше вам с ней не встречаться. Собственно, для этого я и перехватил вас по дороге на работу. Это своего рода одолжение с моей стороны.

7

Иван Лувертюр обернулся. Полицейские вбегали в проулок. С обеих сторон – витрины маленьких магазинчиков, впереди – глухая стена. Он подскочил к двери магазинчика, дернул за ручку. Она не открылась. Метнулся через улицу на противоположную сторону... Там тоже магазинчик. Дверь отворилась. Лувертюр оказался внутри. Полицейские уже находились в нескольких десятках метров. Он видел их сосредоточенные, перекошенные напряжением лица, сузившиеся глаза. Они напоминали двух псов, которые вот-вот настигнут добычу. Вдруг он испытал приступ какого-то неожиданного спокойствия: словно бы понял, что все будет хорошо. Взгляд его упал на массивную щеколду сантиметрах в двадцати ниже ручки. Он взял и сдвинул ее. Подлетевший первым полицейский дернул дверь, она не открылась.

Лувертюр шагнул вглубь магазинчика. Чего здесь только не было!.. Чай, кофе, всевозможные бакалейные товары. «Нужно срочно искать выход... Где-то в магазинчике должен быть черный ход!» – подумал он.

Иван стремительно заскочил за прилавок и увидел дверь, настолько странную, что он даже остановился и принялся ее разглядывать, хотя полицейские уже изо всех сил барабанили в витрину лавки и стоило поторапливаться.

Вся дверь была покрыта маленькими зеркалами, прикрепленными к ней под разными углами. Все вместе они создавали некое необычное, дробное изображение действительности.

На тех местах, что не были заняты зеркалами, были нарисованы какие-то то ли знаки, то ли буквы неизвестного Лувертюру алфавита. Буквы представляли собой фигуры человечков, причудливо расположенных по отношению друг к другу.

Но надо было искать выход. Иван схватился за ручку, дверь подалась вперед, и тут он с изумлением обнаружил еще одно необычное свойство: когда на маленькие зеркала под определенным углом падал свет, на них начинали тускло мерцать нанесенные каким-то неизвестным Лувертюру способом голографические знаки. Это были буквы, складывающиеся в надпись.

НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЙ САМ,
ВСЮ РАБОТУ ПОРУЧАЙ РАБАМ

Прочитав эту надпись, Лувертюр еще больше поразился. Но времени уже совсем не было. Он нырнул в дверной проем.

8

В офисе «Кей-Ви-дабл-Кей» царило необычное оживление. Весь мужской персонал радиостанции норовил хоть на минутку, хотя бы для этого даже и не было никакого повода, заглянуть в маленькую приемную, где обычно дожидались своей очереди попасть в радиоэфир гости «Кей-Ви-дабл».

– Если бы Уолт знал, какая красotka дожидается его в офисе, он бы ни за что не позволил себе опаздывать...

– Между прочим, а где он на самом деле болтается?! У него эфир скоро!..

Так разговаривали между собой сотрудники редакции.

Молодая особа, поджидавшая Уолта Кейна, и впрямь была невероятно красива. Расположившись на глубоком студийном диване с видом человека, который привык к комфорту, она лениво, но все же с некоторым читавшимся в ее взгляде любопытством поглядывала по сторонам.

Наконец один из сотрудников, радиоинженер, отвечавший за исправность оборудования в студии, не выдержал и решил перейти к делу. В конце-концов, что с того, что красotka пришла к Кейну!..

– Мисс, я вижу, никто здесь не обращает на вас никакого внимания... – начал, как ему казалось, издав далеко радиоинженер, подойдя к диванчику, на котором сидела красotka.

Та усмехнулась...

– Я бы не сказала, что никто не обращает внимания... Только вы заглянули сюда уже четыре раза. Хотя, мне кажется, никакого дела у вас здесь не было, – спокойно проговорила она. – Впрочем, если бы вы предложили мне кофе, я была бы вам чрезвычайно признательна.

Красotka пристально посмотрела на радиоинженера. От этого взгляда тот расцвел.

– Я мигом! – проговорил он и кинулся готовить кофе.

Когда он вернулся с маленьким подносом, на котором стояли две чашечки, красotka сидела с прежним скучающим видом.

Радиоинженер болтал без умолку, но она, торопливо попивая свой кофе, не произнесла ни слова.

Наконец она поставила пустую чашечку на поднос и встала с дивана.

– Я вижу, его успели предупредить о моем визите, – проговорила красotka, как-то очень спокойно и равнодушно.

– Что?!.. – вытаращился на нее радиоинженер. Какой-то странный смысл почудился ему во фразе.

– А если не секрет, по какому поводу вы к нему пришли?.. – спросил он.

– Все очень просто. Я приобрела его в качестве домашнего слуги. А он так ко мне и не явился.

– То есть как это?! – выпучил глаза радиоинженер.

– Да вот и я думаю, как это могло получиться. Унитаз не вымыт, на кухне грязь, и потом – у меня вчера были гости. А дом – без привратника. Привратнику положено сидеть перед дверью на цепи... А что такого?.. Я хочу, чтобы у меня в доме на цепи сидел господин Кейн. Мне нравятся его радиопередачи. Вернее, нравились... Ведь он их больше не ведет.

– Как не ведет?!..

– Да так, видите! Не явился! По-моему, уже две минуты как он должен быть в эфире... – она постучала ноготком по стеклышку своих изящных наручных часов. – Вот что... Если вы случайно увидите его, ну мало ли... Передайте ему мою визитную карточку.

Она взяла с дивана сумочку, покопалась в ней и протянула радиоинженеру прямоугольник плотной белой бумаги.

Тот выхватил его у нее из рук и уставился...

– Но бумага пуста!.. – воскликнул он. – Здесь ничего не напечатано!..

– Он все поймет... – устало проговорила красотка. – Скажите, унитаз грязный... Дом не прибран... Пусть имеет в виду: я могу сделать с ним все, что захочу. И ничего мне за это не будет. Раб является полной собственностью своего владельца. Его можно сломать, подарить, как вещь, остричь ему волосы, выколоть глаз...

Она вышла из офиса «Кей-Ви-дабл-Кей», бросив на ходу:

– Не забудьте передать мою визитку. Иначе сложности будут уже у вас!.. Вы ведь тоже...

– Что тоже?!

– Ничего... Мы все в одинаковом положении. И я – тоже. Но так получилось, что он – мой раб, а не я – его.

9

Лувертюр оказался за странной дверью, на которой маленькие зеркала были покрыты голограммами. В помещении было темновато... Оно было уставлено какими-то коробками, в углу – канцелярский стол, с расставленными по нему электронными устройствами.

Каким-то шестым чувством он уловил, что в комнате кто-то есть... Он начал разглядывать темные углы. Из-за наставленных одна на другую коробок торчали чьи-то ноги. Пораженный, он сделал несколько шагов...

Он завернул за коробки. То, что предстало его глазам, повергло его в совершеннейший шок. Хотя, казалось бы, что могло повергнуть его в шок больший, чем тот, в котором он до этого пребывал.

10

Как всегда по вечерам, Гилберт Стеффенс смотрел свою, как он ее называл, «систему». Она состояла из нескольких электронных «дивайсов», позволявших просматривать даже достаточно старые фильмы, запечатленные на устаревшие и давно не использующиеся носители.

Стеффенс нажал на клавишу, один из «дивайсов» не громко, но в какой-то очень пронзительной тональности заверещал, перерабатывая и посылая на экран огромные массивы информации.

Гилберт толком не знал, что он увидит... Фильм начался не с самого начала. Однако самые первые кадры позволили вспомнить – знакомая вещичка. Сама по себе – так, ерунда, старье. Архив кинопродукции. Однако Стеффенса интересовала вовсе не художественная сторона дела. Он заерзал в кресле, принимая положение поудобней. Сорок пятый год. Раз указан сорок пятый, значит, реально фильм снимали, скорее всего, в сорок четвертом. В Европе и на Тихоокеанском театре военных действий всюду полыхали сражения. Однако американский режиссер Гордон Дуглас был озабочен вовсе не героикой и не боевыми действиями.

«Зомби на Бродвее» – так называется фильм. Два дядечки собираются использовать оживших покойников в ночном клубе. Неплохо задумано!..

Стеффенс остановил мучения бродвейских хитрецов и занялся поиском. Его интересовало, снимались ли в сорок пятом году прошлого века еще какие-нибудь фильмы про зомби.

Нет, ничего... Он начал шарить по другим годам, составляя маленькую личную статистическую справку. Это было важно.

Сорок третий год – «Прогулка мертвеца». Режиссер Сэм Ньюфилд. Черно-белая ерунда, где два брата – один добрый, другой злой, выясняют между собой отношения. Вампиры, зомби – Стеффенс поморщился. Он помнил, что еле-еле досмотрел эту штучку до конца. Детская страшилка, ничего серьезного. «Однако, тем не менее, отметим год создания!» – подумал он.

11

Иван Лувертюр смотрел на подвешенные к потолку тела людей. Шесть человек были повешены на шести крюках, очевидно специально для этой цели вмонтированных в балку. Это были те самые, с которыми он летел из России в одном самолете. Узнал их!..

– Ты будешь седьмым! – четко проговорил голос за его спиной.

Он с ужасом обернулся. Никого не было. Он посмотрел вниз: человек, чьи ноги, торчавшие из-за коробок со спагетти, он поначалу увидел, был Джон. Руки и ноги его были крепко связаны. И он не мог говорить: рот перемотан клейкой лентой.

– Ты будешь седьмым!.. – чуть тише, чем до этого, но так же четко произнес голос.

Иван метнулся к ящикам, схватил один из них, чтобы кинуть в невидимого врага... Джон, который, конечно же, тоже узнал Лувертюра, дергался, мычал на полу. Но самое ужасное – Лувертюр услышал, что там, на входе в магазинчик затрещала дверь. Значит, полицейские все же решились выломать ее. А поскольку сделать это двум тренированным дядечкам не представляло никакого труда, вполне вероятно, что секунд через тридцать они уже будут здесь... Надо было немедленно бежать. Но куда?..

– Ты будешь седьмым! – громче прежнего произнес загадочный голос.

Джон еще сильнее задергался на полу. Раздался громкий треск – трещала входная дверь магазинчика...

– Не сомневайся, тебе конец! Отсюда невозможно вырваться! – ободрил Лувертюра загадочный Некто. Говорил он убедительно. Повешенные под потолком, казалось, немного раскачивались из стороны в сторону, словно продуваемые ветром.

12

В пятидесятые годы прошлого века

– Зачем вы притащили меня на кладбище?!.. – воскликнул Кейн, испуганно озираясь. – Кругом могильные плиты. Я не любитель такой обстановки.

– А кто утверждает, что вы ее любите?.. Я и сам терпеть не могу таких мест!.. К тому же сегодня шел дождь. А от этих каменюк в сырую погоду исходит особый запах. Он мне очень не нравится.

– Говорите, что вы хотели мне сообщить?!.. Почему мне нельзя на радиостанцию?!.. Я уже опоздал в эфир. Из-за этого могут быть большие неприятности!

– Не волнуйтесь, еще большие неприятности были бы у вас, если бы вы на этот эфир успели. Даже как-то странно называть то, что могло бы случиться, неприятностями...

Незнакомец, который так до сих пор и не сообщил Кейну свое имя, посмотрел по сторонам. Он словно и в самом деле опасался чего-то.

Уолт задумался: и в самом деле, не было ли все это каким-то дурацким розыгрышем? Что, в сущности, он знает про этого человека?.. Что тот преследовал его сегодня утром так, что он подумал: не иначе, как это гангстер, который хочет напасть на него, чтобы вывести диджея известной радиостанции из строя. Потом этот человек сказал, что является сотрудником контрразведки. И Кейн поверил ему на слово. А ведь тот, в сущности, уже сделал свое черное дело – заставил Кейна пропустить эфир.

– Послушайте, Кейн, я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что все это слишком странно, что вам нарочно морочат голову, – незнакомец смотрел на Уолта своими внимательными глазами, словно бы и вправду каким-то непостижимым образом читая его мысли.

– Кстати, как по-вашему, откуда пошло это дурацкое название: рок-н-ролл? – продолжал незнакомец.

– Поосторожней на поворотах, приятель! Вы, видимо, хотите меня обидеть?.. Ведь я тоже приложил немало усилий к тому, чтобы это словосочетание приобрело популярность...

– Я не хочу вас обидеть. Я просто спрашиваю.

– Ну хорошо. Будем считать, что это действительно так. Да будет вам известно, первыми это словосочетание ввели в обиход английские моряки. Рок означало продольную качку, когда нос корабля вздымался вверх, как бы взлетая на гору, ролл – это, соответственно, обозначение качки поперечной. Корабль, словно утка при ходьбе, заваливается то на один бок, то на другой. Все вместе «рок и ролл» – рок-н-ролл.

– Не понимаю, как все это связано с танцами. Вы же, по-моему, не раскачиваетесь из стороны в сторону и не летите то в гору, то с горы.

– Не торопитесь, я еще не все рассказал, – продолжал Кейн. – Как вы знаете, и джаз, и вся передовая современная музыка произошли от негритянских религиозных песнопений.

– Да-да, конечно! Их еще называют «спиричуэлз»! – подтвердил незнакомец знание предмета. – Религиозные гимны!

– Вот именно!.. В одном из «спиричуэлз»... Вернее даже, во многих из них употребляется такое поэтическое выражение «рокинг-энд-роллинг на волнах моей веры»... То есть раскачиваясь на волнах веры, подобно кораблю на волнах бури.

– Мистер Кейн! – проговорил незнакомец серьезно. – Вы забыли еще одно очень важное обстоятельство... Рок-н-ролл на негритянском жаргоне означает... Как бы это сказать поприличнее... Заниматься сексом!..

– О, вы и это знаете!.. – протянул Уолт.

– Мистер Кейн, я не случайно привез вас сюда, на кладбище. Мистер Кейн, снимите маску!.. Вы совсем не тот, за кого себя выдаете!..

13

Гилберт Стеффенс продолжал так и эдак тасовать и систематизировать свою коллекцию фильмов. «Экий выдался вечерок! – думал он. – Надо обязательно на что-то решиться. Сейчас или никогда. Так что вечерок получается переломным. Самый важный вечер в жизни!.. Сейчас я приму решение и завтра утром проснусь уже другим человеком».

«Рассвет мертвецов». Режиссер Джордж Ромео. 1968 год. Фильм, продолжительностью более двух часов. Точнее: два часа и двадцать минут. Своего рода классика: море крови, впервые благодаря фантазии Ромео по экранам зашагали шатающиеся из стороны в сторону с вытянутыми, словно ищущими горло жертвы руками, зомби – ожившие мертвецы. Эти медленно бредущие фигуры стали открытием Ромео. Идею подхватили другие, менее способные режиссеры, и вскоре фильмы, в которых шатающиеся фигуры были основным, призванным пугать и шокировать зрителя моментом, стали размножаться. «Рассвет мертвецов» был сиквелом – продолжением предыдущего фильма Ромео – «Ночь живых мертвецов».

Гилберт вспомнил сюжет и усмехнулся: бред!.. Ну каким идиотом нужно быть, чтобы всерьез воспринимать такое: из секретных правительственных лабораторий в мир обычных обывателей попадает порошок, который оживляет покойников... «Они пришли за тобой, Барбара!»

В «Рассвете мертвецов» четыре человека забаррикадировались на торговом молле, чтобы спастись от зомби, пожирающих людей. Тоже полный бред, однако в свое время фильмы Ромео, благодаря сделанным им удачным находкам, – в первую очередь медленно бредущим, шатавшимся фигурам оживших покойников – были невероятно популярны. И в восемьдесят пятом году он снял еще один – «День мертвых». Однако к тому времени шатающиеся из стороны в сторону покойники-зомби никого не удивляли. По «Рассвету мертвецов» еще в более позднее время был сделан римейк, но такого шумного успеха, как лента шестьдесят восьмого года он уже не имел.

14

Лувертюр не видел того, кто угрожал ему. По-прежнему он стоял, держа в руках ящик, готовясь отразить нападение. Треск вскрываемой двери стал еще громче...

Донесся крик:

– Откройте, полиция!

Едва Джон услышал это, задержался изо всех сил, замычал, начал биться головой о пол. Глаза его смотрели на Лувертюра с мольбой.

Мулат чувствовал – Джон хочет, чтобы он во что бы то ни стало освободил его прямо сейчас. Полиция вот-вот откроет дверь и ворвется сюда. Удивительно, почему она до сих пор этого не сделала?..

Вдруг с противоположной от входа, неожиданной, стороны раздалось:

– Полиция! Откройте!.. Вы заблокированы! Все равно никуда не скроетесь! Предлагаем сдаться!.. – этот голос, как и предыдущий, звучал грозно.

Не соображая, что он делает, повинаясь скорее наитию, чем здравой логике, Лувертюр кинулся развязывать Джона.

В первые же мгновения он сорвал с его рта клейкую ленту. Связанный пленник сделал глубокий, судорожный вдох.

– Скорей, скорей развяжи меня!.. – прохрипел он. – Здесь где-то должен быть нож для резки картона. Поищи там, наверху!.. Да-да, вон там, на коробках!.. Я видел, они пользовались им.

В эти секунды мулат услышал за дверью шаги: полицейские, гнавшиеся за ним по улице, наконец справились с дверью, еще несколько мгновений, и они будут здесь. Но где же, черт возьми, тот, кто угрожал ему?!.. Где тот, кто обещал сделать его седьмым повешенным?..

– Скорей, скорей! – шепотом, едва ли не одними губами произнес Джон. – Нож!.. Немедленно отыщи нож!.. Ты не развяжешь эти веревки быстро!

Лувертюр вскинул взгляд на верхние коробки – ножа нигде не было!.. Он приподнялся на цыпочки, попытался заглянуть дальше края. Бесполезно!..

Шаги полицейских замерли. Они уже, видимо, стояли у двери и то ли из осторожности не спешили открывать ее, то ли изучали фигурки странных человечков, нанесенные между маленьких зеркал.

Потом Лувертюр даже не увидел, а скорее каким-то шестым чувством догадался, что один из полицейских взялся за ручку...

Тут он увидел нож для резки картона – его заткнули глубоко в щель между верхними коробками.

В следующую секунду со стороны, противоположной от двери, послышался шорох.

«Где-то здесь должен прятаться угрожавший человек!»

– Скорей! Скорей! – опять еле слышно поторопил его Джон.

Несколькими аккуратными, точными движениями мулат рассек веревки на его руках и ногах.

Джон не мог даже пошевелиться, какое-то время он лежал на полу – руки и ноги онемели до того, что казались не принадлежавшими ему. Наконец усилием воли он заставил себя подняться. Мулат помогал ему.

Дверь начала осторожно открываться. Полицейским, которые стояли с другой ее стороны, в узкую щель не могло быть видно ни Лувертюра, ни Джона, ни шести повешенных.

Но тут полицейские, видимо, тоже разглядели голограммы... Это дало двум людям, загнанным в это тесное, таившее столько неясных для Лувертюра опасностей помещение, несколько лишних мгновений.

Опираясь на руку мулата, Джон шагнул к темному углу.

– Отодвигай коробки, быстро! – прошептал он Лувертюру.

Мулат схватился за верхнюю... Он никогда не думал, что обычная картонная коробка может быть такой тяжелой и... Совершенно неподъемной!..

– Скорей, скорей! – торопил его Джон.

– Не могу! С этой коробкой что-то не так. Как будто она приклеена!..

– Не может быть, напрягись, давай! Там всего лишь какой-нибудь чай или кофе!..

– Вот уж не думал, что эти напитки в сухом виде могут быть такими тяжелыми!..

Он изо всех сил напрягся и все-таки снял коробку. Затем он поставил ее на каменный, покрытый песком и пылью пол и быстро отодвинул другие коробки, оказавшиеся намного легче первой.

У их ног был люк – он был снабжен специальным удобным кольцом, утопленным сейчас в желобок. Джон, руки и ноги которого постепенно начали повиноваться ему, схватился за этот миниатюрный обруч и потянул на себя.

В это мгновение дверь от удара ноги распахнулась.

– Вы арестованы! – прокричал один из полицейских, еще не видя Джона и Ивана.

Какое-то время стражи порядка ожидали хоть какой-то реакции того, кто, как им казалось, был взят в клещи, из которых невозможно выскользнуть, а когда они наконец с двух сторон ворвались внутрь, прекрасно скоординировав действия, беглецы уже скрылись в люке.

Затем полицейские, так же как и в самом начале Иван Лувертюр, увидели шестерых повешенных. Ужасное зрелище настолько потрясло их, что они не сразу пришли в себя.

А потом послышался голос... В нем чувствовалась уверенность, вынуждавшая поверить: угроза – не просто слова...

15

Вместе с африканской девочкой, которую выбросили из окна в бак для белья, Вильям Вильямс, начальник отдела по борьбе с этнической преступностью Скотланд Ярда, приехал в ближайшую медицинскую клинику. Врач уже заканчивал осмотр.

– Удивительно, но она почти не пострадала, если не считать нескольких синяков. Есть ощущение, что синяки эти возникли еще до того, как маленькую африканку затолкали в бак... – хирург, специалист по всевозможным травмам, разговаривал с Вильямсом так, словно он разочарован осмотром.

Некоторое время назад, при девочке, он выглядел по-другому – деловито, вдумчиво. Но теперь, когда они зашли в маленькую комнатку, где врачи отдыхали, прежняя серьезность враз слетела с него.

Он угостил Вильяма кофе – машинка для эспresso, стоявшая на белой тумбочке, только что приготовила очередную порцию.

Передавая Вильямсу чашку, он продолжал говорить, в тоне сквозила небрежность:

– Должно быть, избили сначала хорошенько. А потом в бак затолкали... Она же легкая... Тем более, какой там был этаж?..

– Пока не знаю...

– Послушайте, а вы уверены, что ее на самом деле выбросили из окна?.. Может, она сама забралась в этот бак?.. – врач взял свою чашку и сделал глубокий глоток. – Тяжело вам с ней будет... Ни слова не говорит по-английски...

– А глаза?.. Как вы думаете, что у нее с глазами?!.. – спросил Вильямс.

С минуты на минуту должен был подойти врач – специалист по глазным болезням. Его кабинет находился здесь же, в клинике, но маленькую африканку решили не везти к нему по длинным коридорам... Пока ждали врача, травматолог предложил Вильяму выпить кофе.

– Полагаете, это от удара?.. Ерунда! Ничего подобного. У нее вся физиономия перемазана в этом... Вот, понюхайте... – хирург сунул Вильямсу в нос свою щепоть. – Я уже тщательно вымыл руки но все равно пахнет... Узнаете запах?..

– Что это?..

– Как?!.. Нежели не узнаете?!.. – хирург упивался растерянностью Вильяма.

– Послушайте, мне некогда!..

– Ладно-ладно, не нервничайте... Вся ее черная рожица... Простите, все ее лицо... Так вот, все ее лицо было перемазано в перце!.. Самом заурядном перце. Он даже в волосах у нее был. И за ушами!.. Вот так вот!.. Я уж не знаю... Если хотите знать, мое мнение – ищите торговца бакалеей. В этих национальных кварталах полно таких лавок – специи, чай, кофе... На днях был в одной...

Болтовня была прервана вошедшей женщиной в ладно пригнанной по фигуре медицинской одежде салатового оттенка. Судя по беджику, приколотому на груди – врач-офтальмолог.

– Не знаю, как вы отнесетесь к тому, что я вам сейчас скажу... Но дело в том, что кто-то старательно втирал ей в глаза жгучий красный перец!..

16

Иван Лувертюр и Джон торопливо двигались по Лондонской канализации. Мулату это путешествие в вонючей преисподней казалось ужасным, а вот Джон, похоже, не впервые спускался в городское подземелье.

– В свое время я был дигтером. Немало ползал по всяким мрачным местам! – пояснил он.

– Все, больше не могу!.. Давай отдохнем!.. – Лувертюр устало опустился на большой плоский камень.

В десятке метров от них медленно катила свои воды зловонная река.

– Хорошо, давай. Но только очень недолго. Полиция наверняка идет по следу.

– Ты можешь объяснить мне, что все это значит? Я ничего не понимаю! Кто эти повешенные люди?..

– Да, могу. Видимо, настало время все объяснить. Объясняю: я не знаю!..

Лувертюр со страдальческим выражением посмотрел на Джона.

– Ты хочешь сказать, что ты неизвестно как оказался связанным на полу рядом с шестерыми висельниками?..

– Как оказался на полу, я знаю. Но кто связал меня, и кто эти повешенные... Я бы и сам хотел знать. Видишь ли, всему этому предшествовала очень долгая и очень давняя история. Это своего рода страшная семейная тайна. Сейчас я хочу рассказать ее тебе. Ты многое поймешь...

– Да уж! Сколько служу в полиции, никогда ничего подобного не видел. Прямо мороз по коже продирает, честное слово! Если бы один, ну даже два... Но сразу шесть висельников!.. Интересно, их вздернули одновременно или подвешивали по очереди?.. И этот магнитофон за коробками: «Ты будешь седьмым!» Значит, должен был быть еще седьмой... – пробормотал констебль, сидевший на ящике с кофе, том самом, который никак не мог сдвинуть Лувертюр, рядом с откинутым люком в подземелье.

Вильям Вильямс стоял рядом. Он уже вернулся из клиники: девочка находилась в шоке, хотя глаза ее промыли специальным раствором, они по-прежнему слезились и плохо видели. Но о последнем врачи могли только догадываться – африканка не произносила ни слова и выглядела испуганной.

Вильямсу так и не удалось у нее ничего выяснить. Выбросили девочку из окна на втором этаже. В квартире проживали иммигранты из Африки. Никого задержать не удалось. Увидев сцену на улице, все обитатели логова спешно покинули его. Вильям там еще не был, но знал о ситуации из докладов подчиненных.

После госпиталя он первым делом заторопился в магазинчик. Повешенные по-прежнему болтались под потолком. Помощь медиков им давно уже была не нужна.

Вильям заглянул в люк: по следу беглецов направилась группа полицейских, однако очень скоро, оказавшись в непривычной обстановке, она прекратила преследование. Сейчас полицейские обследовали канализацию в районе люка, пытаясь обнаружить какие-нибудь следы. Владельцы маленьких магазинчиков никогда не проделывают ход в канализацию. Коль скоро им это понадобилось, люком должны были не раз пользоваться... Вопрос, для каких целей?

К магазинчику подтягивались все новые силы полиции... Страшная находка уже подняла на ноги едва ли не весь Скотланд-Ярд. Вот-вот ожидали команду дигтеров, которые двинутся по следу беглецов.

– Шеф, кое-что нашли... – к Вильямсу подошел Коллинз, маленький толстенький человек, на голове которого красовалась странной расцветки оранжево-зеленая бейсбольная кепка с длиннющим козырьком. Он никогда ее не снимал и потому в отделе, занимавшемся этнической преступностью, получил прозвище «Кепка».

– Очень любопытная штука, – продолжал Кепка. – Шеф, я только хочу попросить вас: держитесь покрепче на ногах. Я понимаю, вы многое в своей жизни лондонского полицейского видели, вас, наверное, уже ничем не удивить...

– Да нет, знаешь, кое-чем меня все же удивить можно... – проговорил Вильям. – Это произошло сегодня. Никогда не видел шестерых повешенных одновременно.

– Да, я с вами согласен, шеф. Повешенные впечатляют. Честно говоря, жуткое зрелище. Но даже с учетом того, шеф, что вы выдержали повешенных, я бы порекомендовал вам покрепче держаться на ногах.

– Во второй половине пятидесятых годов мой дед, Уолт Кейн, был одним из тех, кто продвигал новый стиль музыки – рок-н-ролл. Некоторые считают, что своим именем революционное направление обязано именно ему. Дед работал диджеем на популярной радиостанции «Кей-Ви-дабл-Кей» в нашем городке на Юге. Ведь рок-н-ролл начал изначально распространяться именно оттуда – с юга США, из бывших рабовладельческих штатов, где наибольший процент негритянского населения.

– Так ты из Америки? – спросил Джона Иван.

– Да. В Лондоне я совсем недавно. Приехал чуть больше недели назад. Как раз из-за этой истории. Дед покончил с собой.

– Ничего себе! – удрученно произнес Иван. – Прими мои соболезнования.

– Нет, ты не понял: это было очень давно. Задолго до моего рождения. Об этом я знаю из рассказов матери и тех материалов, в основном газетных вырезок, которые сохранились в семейном архиве. Вся эта история достаточно широко освещалась в печати. Слишком жуткими и странными были подробности. Они привлекали внимание.

– Да что это за история?!.. Ты говоришь, он покончил собой... Почему?

– Однажды поздно вечером почтальон принес в дом, где жил мой дед, письмо. В этот момент в нем находились моя бабушка, его жена и мой маленький отец. Письмо было адресовано бабушке, и она с удивлением и недобрым предчувствием узнала на конверте почерк мужа – моего деда. Он в этот момент должен был быть на радиостанции – готовиться к очередному эфиру. Поздние часы были его. Во время своих трансляций он играл исключительно рок-н-ролл. Аудитория, состоявшая большей частью из тинэйджеров, принимала его эфиры с огромным энтузиазмом. Трясущимися руками бабушка распечатала в тот вечер конверт. Это было прощальное письмо деда. Он писал, что когда она вскрыет конверт, его уже не будет на этом свете. Тело его будет болтаться в петле в запертой изнутри комнатке в офисе «Кей-Ви-дабл-Кей». Она кинулась к телефонному аппарату, чтобы позвонить на радио... Но номер не отвечал. Никто не брал трубку. Инстинктивно она врубил приемник. Он стоял у бабушки с дедушкой в жилой комнате и был всегда настроен на «Кей-Ви-дабл»... Шла программа по заявкам радиослушателей. И тогда бабушка позвонила в прямой эфир... Она еще надеялась, что дед не успел совершить самого ужасного... Обалдевший ведущий узнал ее и тут же, сбросив с головы наушники, ринулся в комнатку, где действительно любил уединяться перед своими эфирами Уолт Кейн. Дверь была заперта изнутри на ключ... Они взломали ее...

17

В пятидесятые годы прошлого века

– Я так и думал! Я так и думал! – проговорил сотрудник контрразведки, виновато взирая на Уолта Кейна.

Тот выглядел как человек, которого в последний момент чудом спасли из ледяной проруби.

– Знаете, когда вы произнесли «мистер Кейн, вы не тот, за кого себя выдаете!» да еще таким ужасным голосом, я просто обалдел!..

– Извините, Уолт... Знаете, есть такой метод: неожиданно огорошить противника, поймать первый, неотрепетированный, самый искренний взгляд. Он-то и выражает правду. Захотелось вас еще раз проверить...

– Снимите маску! Ничего себе выраженьица! – продолжал возмущаться Кейн. – Впрочем, ладно... Маску, так маску. Я не против ее снять, знать бы только, как это сделать и в чем она заключается – моя маска?.. Может быть, вы мне подскажете? Вы такой проницательный, знаете способы, как огорошить противника.

– Послушайте, Кейн, ваш сарказм неуместен. Дело в том, что у меня на самом деле были подозрения: вы уже не тот, что прежде...

– То есть как это?..

– Мы обнаружили куклу вуду с вашей головой...

– Какую еще куклу?!.. Ах да, вуду...

– Ходите в кино?.. Голливуд в последнее время очень разрабатывает эту тему...

– Да, да, знаю... Я смотрел. Правда, до середины... Жене не понравилось. Разнервничалась. Она не любит страшных фильмов. Пришлось уйти с половины сеанса.

– Ничего, я вам перескажу содержание фильма. В той части, что касается вас. Кукла вуду – это магический предмет, который используется в ритуалах африканских колдунов. Делают такую куколку...

– Да-да, знаю... Мерзкую! Из соломы и всяких палок. Шьют ей одежду из тряпочек.

– А голову выполняют в виде головы того человека, которому хотят навредить. Дальше берут иголки, и, читая специальные заклинания, втыкают их кукле в определенные места. Уколют в голову – у вас голова заболела. Ткнут в печень – вы за нее схватитесь, почувствовав, что что-то с ней не так. Воткнут иголку в сердце – глядишь, оно у вас и остановится!..

– Я себя нормально чувствую. И не боюсь колдунов. Я не верю во все это. Внимание ко всей этой чертовщине искусственно раздуто Голливудом. Больше ничего нет. Люди смотрят фильмы и начинают верить во всякую чушь. Фильмов таких в последнее время выпускается что-то слишком много.

– Вот-вот, Уолт!.. Вы ведь тоже заметили!.. А теперь свяжите это с тем, что вы сейчас разговариваете с представителем контрразведки.

– Не понимаю...

– А вы не думаете, что среди голливудских режиссеров у Советов могут быть свои агенты.

– Зачем?..

– Как это зачем?.. Влиять на психику масс.

– У вас есть доказательства?

– Абсолютно никаких. Это только одна из версий. Вот что, Уолт, вокруг вас плетется какая-то интрига. Некто хочет путем оккультных воздействий повлиять на ситуацию в Соеди-

ненных Штатах Америки, поставив их на грань деградации и полного развала. Возможно даже, путем гражданской войны.

– Вы считаете, что это я?..

– У меня есть подозрение, что коньком всей операции является рок-н-ролл...

Кейн рассмеялся.

– Но вы же только что сказали, что на негритянском жаргоне рок-н-ролл означает заниматься сексом. Выходит, Штаты хотят уничтожить при помощи секса?!..

18

Когда-то очень давно на Гаити вместо полностью истребленного миллиона местных индейцев испанцами были завезены африканские рабы. Все они принадлежали к различным племенам, но религии их были схожи. Не такие сложные, как христианство, ислам или буддизм, они подразумевали одно – над человеком властвует бог. Вернее боги, которых очень много...

Странно, не правда ли? Много богов... Нам, воспитанным в христианской традиции, это непривычно. Но если предположить, что боги – некие души мертвых, которые наблюдают откуда-то «из-за зеркала» за тем, что происходит в этом мире и как-то влияют на события в нем, то тогда богов должно быть много. Ведь не один же мертвец отправился «за зеркало».

Вуду – а именно таково было название веры африканских рабов, означает «дух»...

В далеком прошлом

В нескольких сотнях метров от постройки, в которой на ночь запирали черных рабов, были густые заросли тропической растительности. Католический священник, только недавно крестивший здешних невольников, в последнее время все чаще наблюдал: в зарослях собираются негры и истово предаются молитвам. Это вызывало удивление – миссионеру было не впервой приводить к истинной вере язычников, однако никогда прежде он не видел, чтобы вчерашние дикари молились с таким усердием и без всякого принуждения.

Миссионер еще бы понял, если б из новообращенных столь глубоко прониклись учением Христовым несколько человек. Такое бывало. Но негры отправлялись в свои заросли целыми толпами, торчали в них по несколько часов, танцевали под ритмичный бой барабанов, пели. И все это перед изображением католических святых. За этими грубо нарисованными картинками один из негров специально подходил к миссионеру. Тот предлагал ему распятие – в холщовом мешке, привезенном на плантацию, хранилось несколько штук разного размера. Но негр, тараща глаза, на ломаном языке просил именно изображения святых. Миссионер отдал их. Почему бы этого не сделать?.. Картинки он вез не для себя, а для чернокожих невольников.

Изумление, граничившее с недоверием, не покидало пастора. В последние два дня он принялся следить за сборищами негров. Поначалу не скрываясь, он просто подошел к зарослям. Как раз тогда в них приплясывало с десятков мужчин и женщин.

Был поздний вечер. Но посередине вытоптанной площадки пылал ярким пламенем костер. Увидев пастора, негры не проявили никакого замешательства – ритмичный танец продолжался. Пастор остановился и начал прислушиваться к воплям «главного» негра – так пастор определил для себя высокого невольника, пританцовывавшего в самом центре новообращенных, – он явно руководил всей церемонией.

Однако негр время от времени громко произносил имена святых и некую тарабарщину, немного напоминавшую фразы, часто встречающиеся в католических молитвах. Между тарабарщиной и именами святых негр произносил что-то на своем языке. Миссионера смутило: заметив его, «главный» негр стал чаще выкрикивать тарабарщину и перестал произносить что-либо по-своему.

На ветвях дерева, росшего рядом с костром, было укреплено изображение святого Петра и несколько горевших свечей. Миссионер вспомнил – «главный» негр – а это именно он приходил к пастору за изображением святых – попросил у него еще и свечи. Их было в холщовом мешке, привезенном на плантацию, предостаточно... Теперь они мерцали на раскидистых ветвях... Некоторое время понаблюдав за пляской, пастор двинулся прочь. И в этот момент ему показалось: как только невольники заметили, что он уходит, ритм барабанов стал чаще...

Он заметил: негры обычно собирались у костра поздно вечером, когда на округу опускалась тьма. Решив, что хитрые невольники просто не показывают ему истинное действо, происходящее возле костра, миссионер решил заранее, еще до темноты, скрыться в зарослях и оттуда понаблюдать за рабами...

В ту ночь он натерпелся... Все ему казалось, что где-то позади него крадется, чтобы напасть, дикий зверь. Чтобы не быть замеченным, миссионер вынужден был забраться глубоко в чащу. Поначалу ему казалось, что он вообще ничего не увидит – со всех сторон его убежище окружала сплошная чернильная темнота, он рисковал быть укушенным змеей, но любопытство пересиливало страх. Когда он уже отчаялся что-либо увидеть, впереди замелькал сначала робкий огонек, а потом – пламя большого костра, все сильнее вздымавшегося к небу. Чтобы разбирать хоть какие-то слова, произносимые неграми, миссионер вынужден был приблизиться к сборищу.

Он надеялся, что ничем не рискует – даже если бы они заметили, что он подсматривает за ними, любое, даже самое незначительное насилие над слугой Христовым было тягчайшим преступлением, хотя... Что, если негры занимаются чем-то таким, за что их ждет большее наказание?

Однако все было так же, как и в первый раз. Только теперь миссионер заметил, что несколько верующих, неестественно заломив руки, в экстазе упали на землю. Так и что ж с того?! И в Европе верующие, бывает, впадают в экстатические состояния... Произносимые имена святых были прежними. Особенно часто упоминался святой Петр...

В конце дня, когда рабы возвращались с плантации, к высокому негру, которого миссионер называл про себя «главным негром», приблизился другой чернокожий невольник...

Глянув по сторонам и убедившись, что надсмотрщики не смогут разобрать, о чем они говорят, негромко спросил:

– А Легба не может обидеться на нас за то, что мы называем его святым Петром?..

– Поначалу он так и делал...

Услышав, что Легба обижался, спрашивавший негр с ужасом уставился на собеседника.

– Но мне удалось объяснить ему, – проговорил тот. – И он перестал сердиться. Понял, что нам запрещают разговаривать с ним и приходится выдумывать такой тайный язык. Слыша его, миссионеры отступают. Они думают, мы молимся их богу. Легба понял нас!..

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил второй негр.

– Если нет, то как тогда, по-твоему, открываются врата потустороннего мира?!.. Легба – хранитель врат!.. Если демоны и духи загробного мира приходят к нам... А ты сам видел их!..

Негр утвердительно закивал.

– Значит, Легба понял нашу уловку, – продолжал «главный негр». – И теперь знает: когда мы обращаемся к святому Петру, на самом деле мы обращаемся к нему... Каждый раз в самом начале, когда костер только-только разгорится, я говорю ему «Да откроются врата, святой Петр!..» Ты видел, кто-нибудь из наших братьев и сестер вскоре после этого валится на землю и не может пошевелиться. Это – верный знак, что врата царства мертвых открыты, а Легба – среди нас. Он – хромец и тот, в кого он на время вселяется, становится недвижим...

– А святая Дева Мария?..

– Э-э... Ты знаешь, кого мы на самом деле имеем в виду, когда призываем Деву Марию! – со злостью проговорил «главный негр». – Это все белые, белые!.. Не будь их, мы бы не занимались этим. Они, эти белые, подобны барону Самеди – властителю царства мертвых... Так же как он, любят курить трубку, пить кофе и хлестать ром, особенно если туда бросили стручки жгучего перца.

19

– Зло всегда присутствует среди нас. Оно растворено повсюду, как бы хорошо, как бы правильно мы ни жили. Наши добрые дела сдерживают его, но каждый день оно только и ждет своего часа, чтобы вырваться на свободу!.. Оно словно бы все время стоит в темноте за зеркалом и как только видит на нашем лице следы фальши, ненависти, тупости, завистливого злора, тут же выходит из своего зазеркалья к нам навстречу...

– Какой странный образ!.. Зеркало, человек, стоящий перед ним, и зло, скрывающееся за серебряной амальгамой и внимательно следящее за выражением лица... – пробормотал Вильям Вильямс.

Он посмотрел на Гейнора Мак-Магона – тот стоял у окна и, облокотившись руками о широкий подоконник, наблюдал за тем, как два индуса в тюрбанах выгружают из выдавшего виды облезлого пикапа какие-то мешки и заносят их в лавку. На ее вывеске витиеватыми буквами было написано «Магараджа». Мак-Магон подумал: раньше подобная лавка была бы в Лондоне диковинкой, но теперь различные национальные общины расселялись по всему городу все больше и больше, привнося на его улицы свой колорит, свои магазины и привычки.

Мак-Магон был специалистом по религиозным верованиям африканских народов, исколесил черный континент вдоль и поперек, бывал так же на Гаити, в Доминиканской республике. Посещал Бразилию.

Теперь он принялся рассказывать Вильяму Вильямсу, что религия вуду, как представляет ее большинство когда-либо слышавших о ней европейцев, – это вовсе не та религия, которую на самом деле исповедуют на Гаити, в Того, Бенине, Кот д'Ивуар, Нигерии и некоторых других африканских странах.

– Дело в том, – проговорил Мак-Магон. – Что тут имеет место не такой уж редкий для современного мира случай, когда одно и то же слово обозначает два практически противоположных явления. Поэтому я предлагаю называть ту замечательную и исполненную глубокого смысла религию, которая является государственной на Гаити и с 1996 года – в Бенине и к которой принадлежу я сам – религией вудун.

– Вы исповедуете вуду?!.. – Вильямс был настолько поражен этим фактом, что даже сделал шаг назад, как будто отшатнувшись в испуге от Мак-Магона.

Точно тот признался ему, что регулярно по ночам поедает трупы и приносит в жертву христианских младенцев.

– Не вуду!.. – поправил Мак-Магон, усмехнувшись над реакцией собеседника и посмотрев на него затем взглядом, полным саркастической иронии. – Я исповедую вудун.

Впрочем, Вильям Вильямс не очень удивлялся: он знал – Мак-Магон женат на негритянке и вообще известен своими весьма экстравагантными привычками. Он иногда, к примеру, появлялся в своем университете в белом африканском балахоне до пят, объясняя, что в подобном наряде ему легче переносить необычную жару, в последние годы частенько беспокоившую лондонцев, привыкших к несколько иному, скорее к прохладному, чем по-тропически знойному, климату.

Словно угадав его мысли, Мак-Магон произнес:

– Не скрою, меня приобщила к вудун Эрзули... Но дело не в ней.

Мак-Магон продолжал рассказ...

Вудун – это такая же полноценная религия, как христианство, буддизм, ислам и иудаизм. Первоначально она была верованием африканского народа йоруба, населявшего страну под названием Дагомея, которая располагалась на части территорий нынешних Того, Бенина и Нигерии. Однако в силу того, что Дагомея как раз и была тем самым Рабским Берегом португальцев, приверженцы вудуна были насильно вывезены далеко за пределы своей родины...

20

В далеком прошлом

В трюме корабля были выстроены своеобразные многоярусные полки, на каждой из которых располагался не один десяток длинных узких пеналов. Там человек мог только лежать, время от времени переворачиваясь с боку на бок. С внешней стороны стенка пенала открывалась наподобие дверцы. В ней существовала еще одна, более маленькая, распавшаяся форточка, удерживаемая с внешней стороны крепкой щеколдой. Надсмотрщики, нещадно отпуская болезненные удары длинных кожаных бичей, загнали Огу вместе с остальными несчастными африканцами – мужчинами и женщинами – в трюм и затолкали в одну из продолговатых клеток. С этого момента дверца пенала, в котором он лежал, была закрыта на крепкий замок. Корабль тем временем был готов к плаванию...

Уже через несколько суток Огу начал сходить с ума. В трюме, набитом более чем семьюстами человек, которые вдыхали и выдыхали воздух, испражнялись, болели, была чудовищная атмосфера. Работоторговцы, которым принадлежал этот медленно двигавшийся по волнам тяжелый и неповоротливый парусный корабль, не любили тратить свои силы на занятия, которые считали бессмысленными. Так или иначе, проветривай или не проветривай трюм, выжить в нем могли лишь самые сильные.

Путешествие, которое длилось несколько месяцев, становилось своеобразной выбраковкой – до плантаций на Карибах добирались лишь самые сильные. А иные там нужны не были.

При проведении всех коммерческих расчетов купцы придерживались железного правила: в лучшем случае треть, в худшем – половина загнанных в трюм на Рабском Берегу, никогда не доберутся до другого берега.

Малочисленная команда, состоявшая из низкорослых матросов, не могла по соображениям безопасности выводить рабов на палубу. Здоровенные, доведенные до отчаяния негры представляли большую опасность. На Рабском Берегу они были достаточно безразличны к своей судьбе – среди африканских народов рабство было весьма распространенным явлением. Бесчисленные стычки племен, а временами и достаточно серьезные войны больших народов всегда заканчивались пленением и рабством для многих. Однако само рабство в местных африканских условиях не было слишком жестоким – убогие хижины, крытые пальмовыми листьями не годились для того, чтобы устраивать тюрьмы. Раб был скорее подчиненным, бесправным членом семьи, нежели узником... В чужой деревне он точно так же выполнял нехитрую сельскую работу, ходил вместе со всеми на охоту и иногда, если он поражал новых односельчан каким-нибудь особыми качествами или умением, его делали равным остальным.

Однако работоторговцы научили местных племенных вождей менять пленников на ткани, украшения, вино...

Только когда Огу попал в трюм корабля, до него начало доходить, что такое оказаться невольником у белых... Но из трюма вырваться было невозможно.

Время от времени – день и ночь в этом аду были неразличимы, появлявшийся надсмотрщик открывал по очереди форточки клетушек и кидал в каждую кукурузный початок. Это было невыносимо мало, но строгие законы коммерции не позволяли капитанам занимать место запасами еды. К тому же, при таких условиях транспортировки еда была для «живого товара» не самым главным...

Еще хуже было с водой – пленников непрерывно мучила жажда. Корабль не был рассчитан на то, чтобы тащить в трюмах пресную воду, достаточную для такого количества пассажиров. Небольшая кружка – вот и все, что полагалось Огу на день.

Через какое-то время люди начали умирать. Равнодушный надсмотрщик не сразу замечал, что в пенале находится не живой человек, а труп: он не заглядывал в каморки, просто в какой-то момент обнаруживал – вода не выпита...

Мертвые тела вышвыривали за борт, и за кораблем всегда следовала стая акул-трупоедов.

21

– Свою веру африканцы принесли в новые земли, в которых, по воле рабовладельцев, им пришлось поселиться, – продолжал рассказ Мак-Магон. – Вера предков – единственное, что смогли взять негры с родной земли. Но и это у них попытались отнять.

На плантациях негров принудительно обращали в христианство и хотя католических священников там было не так уж много, им удавалось следить, чтобы новообращенные не участвовали ни в каких обрядах, кроме христианских. Тогда-то, по словам Мак-Магона, и произошло самое ужасное.

Рабы продолжали исповедовать вудун, но в противоестественных условиях рабства их вера извратилась, вместо вудуна появилось вуду. Рабовладельцы сами виноваты в этом. Пользуясь известной формулировкой, можно сказать, что вуду стало естественным ответом на противоестественные условия. Вуду возник не повсеместно, ведь масса рабов была неоднородной.

Можно привести такой пример. Любой университет – это место, где сосредоточены знания. Но если случайно выхватить какое-то количество людей, которые в этот момент будут идти по коридорам, то часть из них окажется первокурсниками, обладающими минимальными знаниями, часть – студентами, дипломниками, почти уже окончившими курс и, может быть, среди этих людей попадутся один-два профессора.

Так же и с приверженцами религии вудун. С Рабского Берега на плантации попало очень незначительное количество истинных знатоков веры. Вокруг них стал распространяться истинный, настоящий вудун – так называемый вудун правой руки.

Но среди некоторых групп рабов, в основном молодых, просто не оказалось тех, кто мог бы наставить верующих на путь истинный, и тогда среди них под воздействием окружающего зла, несправедливости и жестокостей стало распространяться нечто подобное тому, что применительно к христианству именуется ересью – «левый» вудун, вудун левой руки, вуду. Смесь суеверий, черной магии и колдовства, вызванная к жизни самими рабовладельцами, быстро распространялась в противоестественном мире насилия, зла и несправедливости. Не в силах одолеть зла при помощи добра, некоторые из рабов решили противопоставить ему точно такое же зло, извлекая его из потустороннего мира, царства духов, мистики и дьявольской тьмы.

Однако некоторых рабовладельцев такой поворот дела устраивал. Словно они нарочно с самого начала хотели добиться именно того, чтобы зла в мире стало как можно больше. Они живо интересовались новым странным изобретением своих невольников и именно они, рабовладельцы, познакомили весь остальной, лежавший за пределами плантаций мир, с вуду. Ведь рабы наоборот стремились скрыть свою тайную духовную жизнь подальше от посторонних глаз...

22

В далеком прошлом

В первый момент Огу, который был захвачен врасплох в небольшом шалашике, устроенном в самом углу плантации, невероятно испугался. Хозяин вошел так тихо, что Огу несколько мгновений даже не замечал его. Отступать было некуда, здоровенный пес-негролов, с которым хозяин, бродя по плантации, не расставался, с грозным рычанием натягивал цепь... Именно это рычание и заставило негра обернуться. Огу выпрямился, гордо вскинул голову и пристально посмотрел хозяину в глаза. Несчастный раб понял – смертный час пришел... Он выжил на ужасном португальском корабле, не сошел с ума, да, видно, лучше бы его выбросили в океан! Разве это удача, что остался в живых! На проклятых плантациях оказалось не лучше, чем на корабле.

То, за чем хозяин застал Огу, считалось поклонением дьяволу. Отчасти это и было так. Но дело в том, что поклонением дьяволу считалось не только это, но и вообще любое поклонение нехристианским святыням. Вудун, в котором никто и никогда не поклонялся дьяволу, тоже считался сатанинским занятием. Христианскими миссионерами он был строжайше запрещен, и по их подсказке власти острова провозгласили закон: за нарушение запрета исповедовать вудун отвечали не только рабы. Наказание накладывалось и на белого, которому они принадлежали.

Слуг Христовых – представителей Ватикана – в округе было крайне мало. Однако они из кожи вон лезли, чтобы поймать рабов за отправлением «сатанинского культа».

Если бы на месте Большого Белого был бы сейчас один из миссионеров, хозяину Огу не поздоровилось – он был бы наказан вместе с рабом. Правда, наказания для белых ограничивались штрафом. Черных же исполосовывали бичом так, что от пяток до макушки на них не оставалось живого места, затем раны натирали смесью нескольких видов жгучего карибского перца, и, связав, бросали мучиться на солнцепеке. И это наказание было самым мягким. Многие после него умирали, но шанс выжить был. Для тех «сатанистов», которые казались священникам особенно коварными и непокорными, была предусмотрена виселица...

– Вот значит как!.. Очень интересно!.. – неожиданно пробормотал хозяин. Он, действительно, с явным интересом принялся осматривать тесный, убогий шалаш, в котором Огу разложил вещи, необходимые для проведения ритуала.

– Отойди дальше, вглубь хижины! – неожиданно проговорил хозяин злым голосом и чуть отпустил тонкую, прочную цепь, на которой держал собаку-негролова.

Та рванулась к Огу, и тот, успев отскочить, повалился на землю в дальнем углу шалаша.

Хозяин подошел к прямому стволу дерева, вокруг которого был устроен шалаш. На разветвлении у самого потолка был укреплен сложенный вдвое хлыст, – из тех, которыми надсмотрщики бичевали рабов. Рядом были укреплены свечи, на земле стояла банка с водой, в мешочке был приготовлен белый порошок.

– Значит, вы поклоняетесь хлысту?.. – задумчиво произнес хозяин.

Огу молчал, неотрывно глядя на Большого Белого. Хлыст был украден, когда один из надсмотрщиков позабыл его на веранде господского дома.

– Нет... Вы поклоняетесь не хлысту, – все так же задумчиво проговорил хозяин. – Вы поклоняетесь силам зла, который олицетворяет для вас, негров, этот хлыст... Значит, это правда, что среди негров, существует тайное общество. По ночам вы призываете духов, чтобы они помогли одолеть ваших хозяев!..

Огу по-прежнему молчал. Он разбирал не все слова. Но одно было ясно – конец!

Замолчал и хозяин. Некоторое время он в задумчивости смотрел то на хлыст, то на раба. Затем проговорил:

– Послушай, черномазый, я предлагаю тебе сделку!.. Ты расскажешь мне все, что ты знаешь про темные силы, научишь меня общаться с ними. Взамен я не только пощажу тебя и скрою то, что здесь увидел, но и заберу тебя в город, в свой дом. Ты будешь жить среди моих слуг, а ты, наверное, слышал, что быть рабом в доме гораздо лучше, чем гнуть спину здесь... Если нет – тебе не жить!.. Сам понимаешь... Я могу сделать с тобой все...

Огу торопливо закивал головой. В эту минуту он понял: заклятья левого вудуна настолько сильны, что даже Большой Белый готов нарушить законы, изданные его вождями, уступить душу дьяволу, лишь бы овладеть мощью, заключенной в них. Силы зла не разочаровали Огу!.. То, перед чем оказалось бессильно добро, оказалось им по плечу. Произошло невероятное: раб победил своего господина!..

В конце восемнадцатого века на Гаити в приморском местечке Буа Кайман, называемом еще в иных источниках Буа Кай Иман или «Возле дома Имана», на поляне глухого тропического леса, темной ночью состоялась сходка членов тайных негритянских обществ, существовавших среди черных рабов, трудившихся на местных плантациях.

В свете огромного костра и под рокот больших ритуальных барабанов участвовавшие в мистической церемонии негры впали в транс... По преданию, руководила церемонией женщина – мамбо. Так у вуду называется жрица-женщина в отличие от жреца-мужчины, называемого хунган.

В конце церемонии, заключавшейся в том числе в экстатических ритуальных танцах, пении и все убыстрявшемся бое барабанов, была принесена жертва – свинья, которой перерезали горло. Впрочем, иные белые трактователи этого события, точных и достоверных свидетельств о котором, разумеется, не осталось, утверждали: в жертву был принесен человек – ребенок. Притом белый, похищенный в доме одного из хозяев плантаций.

Угостившись кровью жертвы, члены тайного общества во главе вооруженных чем попало, но многочисленных отрядов, к которым по дороге примыкало все больше рабов, ринулись, исполненные вековой злобой и ненавистью к домам белых.

То, что началось потом, характеризовалось многими исследователями как «тотальный геноцид белого населения», при котором убийства, так же как до этого принуждение к рабству, совершались по расовому признаку. Восставшие не разбирали вины каждого отдельного белого, убивая вместе с хозяевами и надсмотрщиками и всех остальных белых, включая, разумеется, женщин, детей.

Результатом этого восстания, хоть и отдаленным, стало провозглашение первого в мире государства – по выражению европейского автора, «места, где черные правят белыми» – Гаити.

На месте сходки в Буа Кай Иман через много лет был разбит национальный парк.

23

– Мой дед повесился на крюке для лампы. Они выломали дверь слишком поздно... Но самым ужасным было не это... У него не было лица. Кто-то похитил его.

– То есть как это? – удивленно спросил Иван Лувертюр.

– Лицо Уолта Кейна было срезано, снято с него, как маска!..

– Подожди, но значит, он не покончил с собой, а был убит. Ведь не мог же он... Подожди, а где было...

– Ты имеешь в виду лицо?.. Его не было. Вся комнатка была изрядно перепачкана в крови, но снятую с деда маску кто-то унес с собой. Не забыв хладнокровно запереть снаружи дверь.

– А вдруг повешенный – не твой дед?!..

– Эта мысль, разумеется, возникла у всех первым делом. Но моя бабушка опознала это... Это изуродованное тело. Оно принадлежало деду!.. Потом были сделаны еще кое-какие экспертизы. В том числе стоматологические. Знаешь, уже тогда существовали достаточно надежные способы идентификации личности. Не осталось никаких сомнений: повешенный или повесившийся – мой дед!

– А письмо?!.. Что было в том письме?

– Во-от!.. Письмо состояло из нескольких бессвязных фраз. В том числе там были такие: «Они хотят использовать мое лицо в своих грязных целях. Чтобы этого не произошло, я ухожу из жизни!»

– Подожди, но получается...

– Именно! Именно этот странный вывод и напрашивается прежде всего: кто-то все же завладел лицом моего деда...

24

– Так что же все-таки означает странная надпись?.. – спросил Вильям Вильямс у стоявшего рядом с его столом и с задумчивым видом курившего Мак-Магона.

Некоторое время тот молчал. Наконец произнес:

– Она только то и означает, что «ничего не делай сам, всю работу поручай рабам...»

– Я понимаю... Но вы никогда не сталкивались ни с чем подобным?.. Дверь, маленькие зеркала, человечки, голографические знаки.

– Нет, ничего подобного я не припомню... Рабство было распространенным явлением среди африканских народов – я вам уже говорил об этом. Его пережитки можно встретить в некоторых местах африканского континента до сих пор...

– Ах вот как!.. Значит, эту фразу вполне мог написать африканец?

– В принципе, да. Но так же верно, что ее мог вывести на зеркалах и любой другой лондонец. Никакой особой связи между африканцами и рабством я не вижу.

– А это?.. Как вы можете прокомментировать это?..

Вильям Вильямс протянул Мак-Магону несколько цифровых фотографий, только что распечатанных на отличной фотобумаге принтером, стоявшим в помещении отдела по борьбе с этнической преступностью.

Едва бросив взгляд на поблескивавшие яркими красками снимки, Мак-Магон присвистнул:

– Ох!.. Ничего себе!.. Это вы обнаружили там же?..

– Да, все там же... В маленьком магазинчике, торговавшим всякой бакалеей.

– Да-а!.. – еще раз протянул потрясенный Мак-Магон. – Никогда не видел ничего подобного... Жуткое зрелище. И какое-то таинственное...

– Как вы можете прокомментировать его...

Мак-Магон не дал Вильяму закончить:

– Вы хотите сказать, как я могу прокомментировать это с точки зрения вудуна?!.. Нет, разумеется, вудун к этому, в принципе, вы понимаете, в принципе не может иметь никакого отношения... Что же касается вуду... Нет, вуду, конечно, мрачная вещь... Но мне кажется, к *такому* даже вуду не может иметь никакого отношения. По крайней мере, я ни разу не слышал в связи с вуду ни о чем подобном. А уж поверьте, о вуду я знаю очень много...

– Да-а... – задумчиво протянул Вильямс. – Получается, самое значительное обстоятельство этого дела – загадка... Мы не можем понять ни мотивов, ни даже смысла... Все это не укладывается в какие-то традиционные, известные нам рамки этнической африканской преступности... Все с самого начала и до самого конца совершенно неясно.

– Нет, почему?.. – проговорил, вскинув глаза Гейнор Мак-Магон. – Есть одна зацепка... Одно обстоятельство кажется мне понятным... Девочка... Маленькая африканская девочка... Втирать жгучий красный перец в глаза ей могли только по одной-единственной причине...

Вильямс внимательно взглянул на Мак-Магона: зацепка?!..

– И причина эта со стопроцентной точностью, за это я ручаюсь, отсылает нас к представлениям некоторых, подчеркиваю, именно некоторых, а не всех, членов африканской общины. Кто-то, втиравший ей перец в глаза, полагал – она маленькая ведьма, обладающая дурным, опасным для окружающих глазом... Перец у африканцев втирают в глаза ведьмам.

25

Их краткий отдых под мрачными, сырыми сводами лондонской канализации был прерван какими-то очень далекими, едва доносившимися голосами.

– Это погоня!.. – прошептал Джон.

Оба вскочили и торопливо двинулись дальше. Иван еле поспевал за своим новым знакомым. Казалось, он чувствует себя в этом угрюмом подземелье как на прогулке в каком-нибудь городском парке, где умиротворяюще шепчет листва деревьев, а цветы на клумбах образуют симметричный узор.

– Боюсь, мы сделали одну ошибку... – проговорил, задыхаясь от быстрой ходьбы Джон. – Слишком расслабились и потеряли время. Они могли успеть выставить посты на всех выходах из канализации.

– Думаешь, это реально? – усомнился мулат. – Их же, таких выходов, в городе огромное количество. Неужели же можно поставить у каждого полисмента. К тому же для этого надо иметь подробный план...

– Верно, для нас не все еще потеряно. Но чем больше будет проходить времени, тем больше шансов, что они успеют максимально перекрыть выходы. Надо скорее искать место, где можно выбраться на поверхность...

– Ты же был диггером!.. Ты должен знать!..

– Верно... Но что-то я пока не вижу... Есть одна идея... Мы выберемся не на поверхность, а в «тьюб»... В лондонское метро... Прямо на станцию!..

Четверть часа Лувертюр и его новый знакомый – Джон, ехали в довольно людном вагоне в сторону центра, а затем поднялись на поверхность.

– Как ты думаешь, они могли хорошенько запомнить твое лицо?

– Сомневаюсь... Что касается полиции, то она точно не могла этого сделать. Они видели только мою спину. Квартал там достаточно бедный... – сказал Лувертюр.

– Верно... Скорее всего, тамошние дома не обвешаны сверху до низу камерами слежения. И твое лицо нигде не зафиксировалось.

– А эта толстая индуска скорее всего настолько бестолкова, что не сможет дать им моего сколь-нибудь верного описания.

– Разумеется!.. Если она не смогла сообразить, что ты не смог бы выбросить бак с девочкой из окна и в ту же минуту оказаться внизу... Тебе бы понадобилось какое-то время, чтобы спуститься из квартиры на улицу... Исходя из всего этого, делаю вывод: если ты не выронил в магазинчике своего паспорта – нечего опасаться. Полиция просто не представляет, кого им искать.

Лувертюр испуганно схватился за карман.

– Да нет, паспорт, вроде, на месте! – пробормотал он. – Послушай, я должен знать продолжение истории: что же произошло с твоим дедом? Как ты оказался связанным в этом магазинчике? Кто эти несчастные и за что их повесили?

– Сейчас не время для рассказов!.. Я понимаю твое любопытство, но давай сейчас расстанемся. Я должен спешить... Есть одно обстоятельство, о котором я скажу тебе позже. Сейчас возвращайся туда, где живешь, посмотри телевизор – криминальную хронику. Может быть, покажут что-то любопытное... Напиши мне свой телефон.

Джон протянул ему бумажку и паркеровскую ручку. Лувертюр быстро написал на весу неровный ряд кривоватых, нервных цифр. В ответ на другом клочке бумажки Джон написал ему номер своего мобильного.

– Порядок! – довольно резюмировал Джон. – Посмотри непременно ти-ви... Могут передать что-то для нас важное. У меня сегодня вряд ли будет время что-то смотреть. Предстоит

тяжелая ночь. Завтра утром встретимся где-нибудь в людном месте. Скажем, на Трафальгарской площади, возле колонны... Идет? Ровно в двенадцать...

– Надеюсь, встреча произойдет не при таких обстоятельствах, как сегодня.

– Я тоже на это очень надеюсь...

Они обменялись рукопожатием и разошлись в разные стороны.

Лувертюр с тревогой смотрел по сторонам. Хотя он понимал, что доводы Джона вполне разумны и у полиции, скорее всего, действительно нет никаких шансов выйти на его след, ведь верно и то, что всегда найдутся мелочи, которых человек не учитывает...

О каком обстоятельстве собирался сказать ему Джон?..

Пробравшись с опаской в свое общежитие, оказавшись в комнате, он первым делом включил маленький корейский телевизор, стоявший рядом с дверью на тумбочке. Дверь отделяла комнату от маленькой прихожей. Как раз было время новостей.

Дождаться криминальной хроники не пришлось: «шестеро повешенных в африканском квартале» были переданы в основном блоке. Все шестеро несчастных оказались гражданами России. Установлено это было при тщательном обыске магазинчика, проведенном полицией: в одной из коробок из-под баночного растворимого кофе были обнаружены паспорта повешенных.

Услышав это, Иван Лувертюр впился взглядом в экран телевизора. Он чувствовал: в этой информации для него скрывается огромная опасность. Тут же голос корреспондента за кадром сообщил, что в связи с преступлением ищут русский след...

Иван Лувертюр продолжал смотреть...

– Страшная находка была сделана случайно... – продолжала рассказывать корреспондент. – В нескольких десятках метров от магазина бакалейных товаров из окна выпал и ударился о тротуар пластмассовый бак для грязного белья. Крышка его открылась, и уличные свидетели увидели, как из бака торчит голова маленькой девочки-негритянки. Через несколько мгновений к баку подскочил мулат... Полицейские предполагают: преступники были уверены – бак выдержит удар об асфальт и крышка его не раскроется. Девочку хотели убить, но так, чтобы позже симитировать несчастный случай. Трудно сказать, какой конец готовился для этого мрачного спектакля – скорее всего, тело бы подбросили ночью на какой-нибудь безлюдный участок улицы, представив все так, как будто девочку сбила машина, скрывшаяся затем с места преступления. Услышав крики свидетелей, африканец – молодой парень – кинулся бежать. Его преследование и натолкнуло на страшную находку. Наверняка молодой африканец имеет отношение к обнаруженному в магазине. Люк в полу, который давал ему шанс уйти от погони, – вот что заставило его заскочить в магазин и тем самым выдать силам правопорядка еще одно преступление. Мы просим всех, кто может что-либо сообщить...

«А ведь кто-нибудь мог разглядеть меня и запомнить!» – с ужасом понял Лувертюр.

– Квартира, из окна которой выброшен бак с девочкой, установлена, – говорилось в репортаже дальше. – Все ее обитатели сбежали в тот же момент, как было обнаружено их преступление. Но здесь у полиции есть серьезные зацепки, сущность которых она пока в интересах следствия не раскрывает.

В этот момент в маленькой комнате общежития прозвучал телефонный звонок. Резким движением Лувертюр схватил трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.